

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ КРУГА ВАРВАРСКИХ ЭМАЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

А. Ю. Колесникова, И. В. Зиньковская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 сентября 2014 г.

Аннотация: в статье рассмотрены основные проблемы изучения предметов круга варварских выемчатых эмалей отечественными и зарубежными археологами XIX–XXI вв.

Ключевые слова: предметы с выемчатыми эмальями, постзарубинецкие, раннекиевские памятники, вельбарская, черняховская культуры, готы, венеты, балты.

Abstract: this article is devoted to main problems of studying champleve enamel by domestic and foreign archaeologists of XIX–XXI centuries.

Key words: champleve enamel, zarubintsy culture, early kiev culture sites, wielbark culture, chernyakhov culture, goths, veneti, balts.

Памятники с предметами круга выемчатых эмалей известны по всей Восточной Европе, локализуясь преимущественно в Прибалтике, Волго-Окском бассейне и в Среднем Поднепровье. Широкое территориальное распространение этих вещей служит причиной большого интереса к ним со стороны как отечественных, так и зарубежных исследователей. Сама проблема изучения предметов с эмальями весьма многогранна, и ее разработка ставит перед археологами следующие задачи:

- 1) введение предметов с эмальями в научный оборот;
- 2) происхождение и культурная идентификация предметов;
- 3) выявление локальных вариантов распространения предметов с эмальями;
- 4) датирование и хронология предметов с эмальями;
- 5) происхождение стилистики эмалевого убора;
- 6) принципы построения орнамента и его значение;
- 7) типология предметов с эмальями;
- 8) реконструкция убора с выемчатыми эмальями и его преемственность в культурах раннего Средневековья.

В 1888 г. Н. И. Булычевым при раскопках городища Мощины в бассейне Верхней Оки был обнаружен клад, поразивший воображение исследователей. В каталоге выставки VIII Археологического съезда в Москве, на которой Мощинский клад демонстрировался впервые, вещи клада были интерпретированы как «ожерелье или часть конской сбруи из тонко отделанной и отполированной бронзы, до сих пор неизвестных в России (египетский характер) форм, украшенное красной и голубой финифтью» [1, с. 92].

Найденную в 1898–1899 гг. на городище Дуна Калужской губ. перекладчатую фибулу также сочли частью конской упряжи. Ю. Г. Гендуне приняла ее за половину «бронзовых удил готического стиля» [2, с. 21]. На тот момент немногочисленные изделия с выемчатыми эмальями нуждались в интерпретации, поэтому были отнесены к «готским древностям» [3, с. 14].

Первый свод изделий с выемчатыми эмальями был составлен А. А. Спицыным [4, с. 149–192]. На каждую вещь, которая прошла через его руки, он создавал карточку с подробной характеристикой, датой и библиографией. Его картотека должна была послужить основой для составления общей археологической карты России. Таким образом, ему принадлежит и первый опыт картографирования предметов с эмальями [там же, с. 160]. Спустя двадцать лет выходит статья археолога и искусствоведа Н. Е. Макаренко, посвященная типологии и стилистике треугольных подвесок [5, с. 81–92]. Он был тем ученым, кто впервые серьезно занялся вопросом типологии изделий с эмальями. Вслед за ним академик АН Эстонской ССР Х. А. Моора опубликовал две карты находок предметов с эмальями [6, S. 76; 7, Tf. XIV]. Он ввел в научный оборот многие эмали, не учтенные А. А. Спицыным, в том числе финские и шведские. Однако было отмечено [8, с. 126], что исследователь не располагал полным каталогом известных в то время вещей из Среднего Поднепровья. В свою позднюю работу 1938 г. ученый привлек уже больше материала [7].

В период Второй мировой войны многие предметы с эмальями в собраниях музеев, находящихся на оккупированной территории, были уничтожены. Среди них были и такие, которые никогда не были опубликованы, и о них известно только то, что дают записи в музейных инвентарных книгах. Некоторые

предметы, попав в руки торговцев древностями или частные коллекции, оказались депаспортизованными или, того хуже, утерянными. Часть вещей была вывезена за рубеж [3, с. 13].

Титаническую работу по восстановлению утерянных данных взяла на себя Гали Федоровна Корзухина. По словам Л. С. Клейна, «она болела за ясность и красоту композиции. В этом сказывалась ее натура, ее исследовательские особенности. Она обожала находить порядок в кажущемся хаосе, чтобы из нагромождения случайных мазков прорисовывались ясные контуры. С этой же страстью она разбирала свои энколпионы и колты, подвески и фибулы, клады и погребения. Выявляла картину их распределения во времени и пространстве» [9, с. 16]. Г. Ф. Корзухина, производя исследования, придерживалась концепции комбиционизма, согласно которому новое в культуре прослеживается не в его эволюции из старого и не как привнесенное извне, а как сложившееся из смешивания и «рекомбинации» элементов старых культур. Также она являлась последователем методики иконографического анализа Н. П. Кондакова. Большое количество памятников Г. Ф. Корзухиной пришлось изучать лишь по рисункам, инвентарным музейным записям и архивным материалам. Многие депаспортизованные предметы удалось заново ввести в научный оборот. Она собрала все известные к тому времени вещи с эмальями из музеев СССР и из Британского музея Лондона. Г. Ф. Корзухина также попыталась внести в работу эмали из частных коллекций и каталогов выставок, упомянутые в работах предшественников. Ее труд был закончен еще в 1969 г., но пополнялся новыми материалами вплоть до самой ее смерти в 1974 г. и опубликован посмертно [3]. В работе Г. Ф. Корзухиной дана классификация предметов круга эмалей на территории СССР, уточнена их датировка и культурная интерпретация, а также поставлен вопрос о причине их исчезновения.

Свод вещей с эмальями дополнили работы И. К. Фролова по изучению лунниц и фибул-брошей [10, с. 111–124; 11, с. 19–27]. Определение локальной специфики лунниц является огромной заслугой археолога.

В начале 1980-х гг. Е. Л. Гороховский разработал собственную хронологическую концепцию предметов с выемчатыми эмальями [8]. Параллельно ученый занимался типологией подковообразных и Т-образных фибул [12, с. 115–151] и позже, в кандидатской диссертации, опубликовал их каталог. Работы ученого важны также с точки зрения культурной интерпретации эмалей. Сведения обо всех эмалях были переизданы в своде памятников киевской культуры, опубликованном Р. В. Терпиловским и Н. С. Абашиной в 1992 г. [13].

К рубежу XX–XXI вв. появилось достаточное для культурно-хронологической атрибуции количество материалов, происходящих из памятников, исследованных раскопками. И в 2007 г. увидела свет совместная работа А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского, которые проанализировали 55 находок вещей с эмальями из лесостепной полосы Восточной Европы [14, с. 113–141]. Они составили карту этих находок [там же, рис. 139] и переосмыслили типологии Г. Ф. Корзухиной и Е. Л. Гороховского.

Большой вклад внес И. А. Бажан, который, сотрудничая с частными коллекционерами и собирая информацию по грабительским раскопкам археологических памятников Восточной Европы, ввел в научный оборот около 1000 предметов с выемчатыми эмальями, опубликовав их в «Корпусе случайных археологических находок» [15].

За более чем столетний период изучения предметов круга эмалей в историографии сформировались следующие концепции их происхождения – готская, аланская, прибалтийская и среднеднепровская. Необходимо отметить, что названия концепций не совсем корректны – два из них даны по этносу, якобы создавшему изделия круга эмалей, другие два – по основному ареалу локализации мест производства. При этом порой сложно понять, что именно подразумевали исследователи, связывая происхождение предметов круга эмалей с готами или же с балтами. Историографический анализ также усложняет тот факт, что в рамках одной и той же концепции локализации эмалевого производства мнения ученых разделяются относительно этнической принадлежности предметов (их относят как к готам и славянам, так и к балтам и аланам). На наш взгляд, можно выделить следующие концепции происхождения предметов с выемчатыми эмальями.

1. *Прибалтийская концепция:*

- прибалтийская (балтская) теория;
- прибалтийская (готская) теория.

2. *Приднепровская концепция:*

- приднепровская (готская) теория;
- приднепровская (аланская) теория;
- приднепровская (венетская) теория.

Сторонники прибалтийской теории считали территорию Прибалтики (т. е. территорию, соответствующую современным Литве, Латвии, Эстонии и Калининградской обл.) и Поморья (т. е. территорию балтийского побережья современной Польши) местом, где возникли первые изделия с эмальями, распространившись затем по востоку Европы. Основным аргументом концепции являлось позднейшее появление эмалей в Среднем Поднепровье по сравнению с Прибалтикой, прежде всего с областью Мазурских озер и Литвой, на 100 или более лет – в IV или V в. против II–III вв. Исследователи приписывали

создание этих изделий как готам, так и восточно- и западнобалтским народам. Одним из первых ученых мнение о балтском происхождении эмалей высказал А. А. Спицын. В 1903 г. он отметил сходство днепровских и балтийских украшений: «В днепровских древностях есть целое наслоение, повторяющее типы прибалтийские... Сходство киевской и прибалтийской культур может пойти очень далеко. Предметы этих типов, одинаковой формы и техники, встречены всюду в России между Балтийским побережьем, течением Волги, Кавказскими горами, побережьем Черного моря, обоими Бугами и низовьями Вислы» [4, с. 160]. Позднее, в 1922 г., археолог писал более определенно, что культура эмалей сложилась между Вислой и Неманом [16, с. 1]. Спустя четыре года А. А. Спицын связывал эмали уже с Литвой, откуда они, по его мнению, распространились по Припяти и Неману [17, с. 28].

Прибалтийской концепции происхождения изделий с эмалью придерживался и чешский исследователь Л. Нидерле [18, с. 541]. Однако первым ученым, кто привел аргументированное обоснование балтийской теории на основе археологических комплексов, был эстонский археолог Х. А. Моора. Выполнив тщательный сопоставительный анализ типов вещей с эмалью, найденных в Прибалтике и в Поднепровье, Х. А. Моора отметил, что в Прибалтике найдены эмали более ранние, чем в Поднепровье [6, с. 88]. Он писал: «Эта группа украшений раньше всего, примерно на рубеже I–II вв., появилась в Мазурии, т. е. на территории древних галиндских и судаво-явяжских племен, откуда они затем, очевидно, распространились в Приднепровье и другие места Восточной Европы» [19, с. 27–28]. Вторым его аргументом являлся тот факт, что ни один из типов изделий с эмалью не имеет ни в Среднем Поднепровье, ни на Оке или Волге предшествующих звеньев, из которых эти изделия могли бы развиваться. На территории же Прибалтики, наоборот, все основные типы изделий с выемчатой эмалью восходят к провинциально-римскому искусству.

С балтскими племенами галиндов связывала происхождение выемчатых эмалей и М. Гимбутас [20; 21, с. 140–142]. В. В. Седов также считал, что изделия с выемчатыми эмалью были характерны для культуры балтов [22, с. 48–53; 23, с. 45]. Сторонниками прибалтийской концепции также были авторы Сводов Г. Ф. Корзухина и И. К. Фролов. По мнению Г. Ф. Корзухиной, в отличие от угро-финской и балтской культур, с которыми прибалтийские эмали были связаны органически, в лесостепной зоне Восточной Европы, в том числе в Среднем Поднепровье, эмали были случайным, наносным явлением [3, с. 62]. При этом она была первой, кто заметил, что наиболее ранние экземпляры некоторых видов эмалей найдены

в основном не в Прибалтике, а как раз в Среднем Поднепровье. Если круглые и перекладчатые фибулы Поднепровья представлены действительно только поздними их вариантами, то большинство ранних подковообразных фибул происходит именно оттуда. «Треугольные фибулы известны в Прибалтике лишь самые поздние, тогда как в Поднепровье оказались как поздние, так и ранние их типы. И только в Среднем Поднепровье известны ранние сильнопрофилированные фибулы с эмалью» [там же, с. 54]. И. К. Фролов полагал, что все подвески, пластинчатые гривны и браслеты, перекладчатые, треугольные фибулы и фибулы-броши имеют исходные прибалтийские варианты [10, с. 121]. Исследователь высказал предположение о двух «культурных импульсах» проникновения эмалей из прибалтийского региона в Среднее Поднепровье и Поочье в начале и во второй половине IV в. [24, с. 42].

Некоторые современные исследователи также придерживаются концепции балтского происхождения эмалей. По мнению М. Б. Щукина, находки на днепровских памятниках типа Рахны-Почеп вещей с эмалью и подковообразных фибул обусловлены пронизывающими лесную зону во II в. «балтийскими культурными импульсами», а также тесными днепробалтийскими контактами. В результате «брожения» в лесной зоне вещи с эмалью были постепенно занесены от Прибалтики до пограничья со степью [25, с. 282–283]. О. А. Гей и И. А. Бажан также сделали предположение о наличии в составе нижнеднепровского населения накануне появления черняховской культуры чужеродного компонента, связанного происхождением с балтским миром [26, с. 57–58]. М. В. Любичев отметил, что украшения круга эмалей с черняховских могильников (Компанийцы, погр. 2, Войтенки, культ. слой) характерны не только для постзарубинецких – раннекиевских памятников и памятников лесной зоны Восточной Европы, но и для вельбарской культуры (Дитиничи). Эти находки свидетельствуют о существовании внутри черняховской культуры групп населения с Севера («балты») [27, с. 28–29].

Однако часть ученых, считающая Прибалтику местом возникновения эмалевых изделий, связывала их появление с передвижением готов на юг Восточной Европы в III в. Данная гипотеза была широко распространена в науке и просуществовала довольно долго. Одним из первых ее высказал финский археолог И. Р. Аспелин [28, с. 55–56]. Сторонником «готской» концепции прибалтийского происхождения эмалей был также немецкий исследователь, директор Прусского музея В. Герте. Исходя из большого количества находок эмалей в Прибалтике и отождествляя Прибалтику с Готией, он отстаивал точку зрения о прибалтийском происхождении эмалей [29, S. 240].

Современная польская исследовательница А. Битнер-Врублевская также приписывает эмали готам [30, р. 163–165]. С. И. Безуглова и И. В. Гудименко отметили, что концентрация разнородных западных вещей в Нижнем Подонье является археологическим отражением присутствия здесь пришельцев с далекого северо-запада, вобравших в своем движении на юго-восток элементы различных культур лесной и лесостепной зон. Ими могли быть племена готского союза или приазовские герулы [31, с. 173].

Другие исследователи, также видя в эмалях произведение готского искусства, настаивали на южном, приднепровском происхождении эмалей [32, S. 225; 33, S. 40]. Исключение составляет лишь А. М. Тальгрэн, который полагает, что было несколько центров производства – как в Поднепровье, так и в Юго-Восточной Прибалтике и Мазурии [34, р. 154]. В. А. Городцов писал, что вещи с эмалями «всеми исследователями относятся к готским» [35, с. 121]. Ю. В. Готье также относил украшения с эмалями к готским. Он видел большое сходство предметов с эмалями с южнорусскими предметами готского стиля и полагал, что в V–VIII вв. на Верхнюю Оку проникали с юга культурные влияния, существовал торговый обмен с бассейном Среднего Днепра или бассейном Дона [36, с. 118]. Однако в целом «готская» теория не выдержала испытания временем. Основным аргументом, подтверждающим ее ошибочность, является тот факт, что для черняховской культуры, которую большинство исследователей связывают с готами или с готскими королевствами, вещи с эмалями не характерны.

В 1903 г. в литературе появилась новая точка зрения на происхождение эмалей – «аланская». В своем обзоре памятников с эмалью на территории Восточной Европы А. А. Спицын высказал предположение, что бронзовые украшения с выемчатой эмалью создавались не готами на Севере, а аланами на Юге. «Аланы, – писал А. А. Спицын, – народ с высококультурным прошлым, давние обитатели Поднепровья и Подонья, где уже обнаружены несомненные следы их от VIII–IX вв. и, конечно, найдены будут и более ранние, времени расцвета поделок с эмалью» [4, с. 160]. Однако тут же А. А. Спицын оговаривался, что он называет определенный тип эмалей аланскими «почти совершенно произвольно» и совсем не настаивает на своей теории; удерживает же это название «лишь ради его определенности и удобства». Осторожный вывод о принадлежности эмалей «сармато-аланам», кочевникам на ранней стадии оседания, делала и Г. Ф. Корзухина [3, с. 5]. В то же время определение эмалей как «аланских» не было подкреплено никакими доказательствами. Позже и сам А. А. Спицын отказался от этой интерпретации. Тем не менее гипотеза о южном, днепровском, происхождении эмалей надолго утвердилась в науке.

Приднепровская (венетская) теория происхождения выемчатых эмалей восходит к взглядам русских ученых рубежа XIX–XX вв. Так, например, И. И. Толстой и Н. П. Кондаков считали вещи с эмалями «самобытным явлением ранней восточнославянской культуры» и относили их к конским и воинским уборам, принадлежавшим к варварам-конникам III–IV вв. [37, с. 152–154]. Н. Е. Макаренко также высказывался за южное происхождение эмалей, полагая, что в «Прибалтике эмалей мало, а те немногие находки, которые нам известны, несколько моложе днепровских и потому отмечены печатью вырождения» [5, с. 99]. Среднеднепровская концепция наиболее полно была обоснована В. Н. Даниленко в середине XX в. Он первым из исследователей включил эмали в состав вещей памятников киевского типа II–IV вв. [38; 39]. Под влиянием открытия киевских памятников с эмалями на смену старому термину «эмали мощинского типа» пришел новый термин «эмали днепровского типа». Немного ранее П. Н. Третьяков также связывал происхождение эмалей Верхней Волги с памятниками Поднепровья [40, с. 80–82], однако развернутую теорию он выдвинул в более поздних работах. Ученый полагал, что в середине I тыс. эмали были принесены на Средний Днепр населением, переселившимся с Верхнего Поднепровья. По его мнению, это были потомки зарубинцев-славян, которые, уйдя во II в. из Среднего Поднепровья в бассейн Верхнего Днепра, проживали здесь в тесном контакте с балтами до времени исчезновения черняховской культуры. Затем, вернувшись в V в. на свои исконные территории на Среднем Днепре, зарубинцы-славяне принесли на юг и элементы балтской культуры, в том числе и балтские украшения с эмалью [41, с. 270–271; 42, с. 58–68].

Б. А. Рыбаков также выступал за славянское происхождение предметов с эмалями. Он высказал мысль, что выемчатые эмали можно отождествлять с «устойчивой и яркой» культурой «венедов-антов» III–IV вв. периода полей погребальных урн [43, с. 76]. Позднее исследователь связывал эмали с племенем полян, указав, что центром изготовления вещей с эмалью было Среднее Поднепровье [44, с. 99]. В 70–80-х гг. XX в. Е. Л. Гороховский подтвердил справедливость гипотезы В. Н. Даниленко, соотносившего эмали с позднезарубинецкими и киевскими древностями [8, с. 126], убедительно обосновал принадлежность эмалей к киевской культуре. Он доказал, что в Среднем Поднепровье, как и в Прибалтике, украшения этого стиля датируются позднеримским временем. С появлением большего количества находок эмалей стало понятно, что они обнаруживаются в пределах ареала киевской культуры. По заключению Е. В. Максимова и Р. В. Терпиловского, в Среднем Поднепровье находился один из центров производ-

ства вещей с эмалью, период бытования которых охватывал в основном III–IV вв. [45, с. 114]. Эта теория получила дополнительное обоснование в специальной работе 2007 г. А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского [14, с. 113–141]. По их мнению, основной период распространения вещей с эмалью на территории Днепро-Донской лесостепи приходится на позднезарубинецкий культурно-хронологический горизонт и ранний этап киевской культуры. В черняховский период вещи круга эмалей единичны.

Проблема датировки и хронологии изделий с эмалью не менее сложна, чем проблема их культурной интерпретации. Ряд ученых датировал эмали, полагаясь на собственную интуицию, другие – путем кропотливых сопоставлений и поиска аналогий. Так, сторонники концепции «готского» происхождения эмалей датируют изделия следующим образом. И. Р. Аспелин относит их существование к III–V вв. [28, с. 55–56]. Финский археолог А. Хакман датировал их концом II–V вв. [32, S. 214], А. М. Тальгрэн – III–VI вв. В. А. Городцов полагал, что «так как готы выбыли с берегов Днепра Киевского района в конце IV в., то эти предметы относить к более позднему времени невозможно» [35, с. 121]. Ю. В. Готье говорил уже о V–VIII вв. как о времени появления и распространения предметов с эмалью [36, с. 118]. А. Битнер-Врублевская относит появление эмалей в Мазурском Поозерье и на территории вельбарской культуры ко второй половине – концу II в. [30, р. 163–165].

Те ученые, кто считал балтские народы создателями предметов с эмалью, также не единодушны во мнении. В. И. Сизов [46, с. 264] и Л. Нидерле датировали эмали VI–VII вв. [47, с. 213], Х. А. Моора – III–V вв. [6, S. 77, 89]. А. А. Спицын высказывал противоречивые теории относительно происхождения эмалей, однако их датировка VI–VIII вв. осталась неизменной [4, с. 160]. М. Гимбутас исходным районом распространения эмалевых изделий считала Галиндию около Мазурских озер. Исследовательница полагала, что местное производство эмалей началось во II в., когда были завезены первые предметы с эмалью из дунайских провинций Римской империи и из рейнских земель. В IV в. эмали распространились по всей Северо-Западной Европе. Через Восточную Латвию и Верхний Днепр они проникали до района Киева, вдоль Десны, Угры, Оки, Волги – вплоть до Восточной России, по Каме – почти до Среднего Урала [21, с. 140–142].

Составитель свода предметов с эмалью Г. Ф. Корзухина датировала их V – первой половиной VI в. В целом, хронологическая последовательность появления различных типов фибул ей представляется следующей: 1) фибулы сильнопрофилированные, с эмалью и без эмали; 2) фибулы перекладчатые с треугольным нижним концом; 3) фибулы треугольные с

треугольным нижним концом; 4) фибулы перекладчатые с крещатым нижним концом; 5) фибулы треугольные с крещатым нижним концом; 6) фибулы треугольные процветшие; 7) фибулы-гибриды, треугольно-перекладчатые, с эмалью; 8) фибулы с элементами деградации, созданные на основе фибул перекладчатых и треугольных, как без эмали, так и с эмалью [3, с. 27]. Она связывала причины исчезновения эмалей в Среднем Поднепровье с вторжением авар в 558 г. [там же, с. 62]. И. К. Фролов относил появление эмалей в Среднем Поднепровье и Поочье к более раннему времени – началу IV в. [24, с. 42].

Часть археологов, которая считала основным центром производства эмалей Поднепровье, а создателями артефактов – протославянские культуры, поначалу придерживалась разных взглядов на датировку. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков относили эмали к I–V вв. [37, с. 152–154], Н. Е. Макаренко – к VI–VIII вв. [5, с. 100], П. Н. Третьяков – к III–V вв. [40, с. 82–83], Б. А. Рыбаков – к III–V вв. [43, с. 76]. После того как украинский археолог В. Н. Даниленко на основе позднелатенских и римских аналогий отнес возникновение эмалей к концу II в., многие археологи стали датировать их именно концом II – IV вв. [38; 39]. К ним относятся Е. Л. Гороховский [8], Е. В. Максимов, Р. В. Терпиловский, А. М. Обломский и др. [14, с. 113–141; 45, с. 114].

Определенную роль сыграл тот факт, что появилось большое количество находок предметов с эмалью в составе комплексов, которые можно более точно датировать. Е. Л. Гороховский обратил внимание на датировку предметов с эмалью, найденных в хорошо атрибутированных культурно-хронологических комплексах. В результате был сделан вывод о справедливости гипотезы В. Н. Даниленко, соотносившего эмали с позднезарубинецкими и киевскими древностями, и доказано, что в Среднем Поднепровье, как и в Прибалтике, украшения этого стиля датируются позднеримским временем [8, с. 126]. И. В. Зиньковская в специальной статье также привела примеры находок эмалей из хорошо датированных сарматских и античных погребений на Юге Восточной Европы. Все найденные эмали относились ко второй половине II – первой половине III в. [48]. А. Г. Фурасев также обратился к проблеме датировки кладов вещей с выемчатыми эмалью (Мошинский, Межигорский, Шишинский, Борзнянский, Глажевский, Троицкий). Исследователь убедительно показал, что на территории Польши вещи круга эмалей встречаются только в комплексах периодов B_2 и C_{1a} , датируемых по римским монетам концом II в. – первыми десятилетиями III в., и высказался за раннюю датировку основного периода бытования предметов с эмалью. Исследователь также высказал предположение о синхронном выпадении основной части кладов варварских эмалей,

и объяснил это «дестабилизацией политической ситуации в Европе, вызванной бурными миграционными процессами, возникновением черняховской культуры в Северном Причерноморье (230–260 гг.) и экспансией готов на земли, занятые прежде сарматами и населением киевской культуры» [49, с. 86].

Таким образом, согласно современным представлениям основной период бытования вещей с эмалями на территории восточноевропейской лесостепи приходится на постзарубинецкий культурно-хронологический горизонт и начальный этап киевской культуры (вторая половина II – начало III в.). Однако исследователей интересовала не только общая датировка артефактов, но и их хронология, поскольку именно вещь как таковая является маркером своего времени.

В вопросе разработки хронологии изделий круга эмалей важное значение имели исследования И. К. Фролова. Он создал подробнейшую периодизацию наиболее массовых изделий с эмалями – подвесок-лунниц. Детальный анализ позволил ему выделить четыре этапа относительной хронологии (а–г), соотнесенные с абсолютными датами: а) конец III – начало IV в.; б) первая половина IV в.; в) IV–V вв.; г) конец V – VI вв. [10, с. 111–124]. Исследователь отметил, что имеется тенденция к усилению «ажурности» в ходе генезиса эмалевого стиля [11, с. 19, 25]. Большой интерес представляет разработанная Е. Л. Гороховским хронология развития эмалей, которая уточнила периодизацию И. К. Фролова. Весь период развития украшений с эмалями ученый разбил на три этапа. Первый – «жукинский» (середина II в. – середина III в.) – где возникают ранние формы эмалей, эпизодически проникающие в Прибалтику. Такие изделия из Среднего Поднепровья, как подвески-лунницы, цепи, треугольные фибулы, исследователь датировал серединой III – началом IV в. («межигорский» этап) [8, с. 126]. К этому времени он относил Мошинский и Межигорский клады. Для заключительного этапа (IV в.) характерны «вещи с элементами деградации». Исчезновение эмалей Е. Л. Гороховский лаконично объясняет наступлением моды эпохи Великого переселения народов [50, с. 17–18]. Появление эмалей в Мазурском Поозерье и на территории вельбарской культуры во второй половине – конце II в. подтвердили и исследования А. Битнер-Врублевской [30, р. 163–165]. Хронология А. М. Обломского несколько отличается от генезиса эмалей Е. Л. Гороховского. Также были выделены 3 стадии развития эмалей, однако хронологический диапазон был несколько сужен [14, с. 120]. Важно, что А. М. Обломский внимательно отнесся к проблеме эволюции стиля. В лесостепном Подонье и Поднепровье эмали ранней стадии он относит ко второй половине II в. К этой стадии относятся сравнительно небольшие вещи без отростков и прорезных полей. Вставки

эмали небольшие, красного цвета. В конце II в. появляются вещи второй стадии, которые существуют вплоть до середины – второй половины III в. Изделия становятся крупнее, появляется эмаль других цветов. Предметы зачастую снабжены отростками, дополнительными полями, имеют прорезную орнаментацию (за исключением подковообразных фибул). «Последние становятся значительно более массивными, изменяется характер декорирования щитков и поля в центре корпуса. Для финала этой стадии характерно использование украшений, богато орнаментированных отростками и кольцами» (так называемых ажурных) [14, с. 120]. В конце раннего этапа киевской культуры около середины III в. возникают первые ажурные украшения без эмали (третьей стадии развития стиля), распространяются изделия с прорезной орнаментацией без эмалевых вставок, нарушается стилистическое единство вещей. По мнению А. М. Обломского, исчезновение эмалей в костюме женщин киевских общин и их замена более массовыми черняховскими украшениями произошли вследствие планомерной колонизации Среднего Поднепровья и водораздела Днепра и Дона черняховскими переселенцами [51, с. 25]. Близкой точки зрения придерживался и М. М. Казанский. Выпадение в землю многочисленных кладов с украшениями круга выемчатых эмалей он связывал с походами остготского короля Эрманариха на «северные народы» во второй половине IV в. [52, р. 75–122]. Проблема хронологии предметов с эмалями не потеряла своей актуальности и по сей день, так как выявляются новые типы и ареалы распространения предметов. Нерешенным остается вопрос о верхней хронологической границе изготовления эмалей. По мнению А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского, «в лесостепной зоне ажурные украшения без эмали появились около сер. III в. и продолжали изготавливаться и позднее. Как долго они использовались населением этого обширного региона, пока установить невозможно» [14, с. 124].

Задача выяснить происхождение самой стилистики изделий круга эмалей решалась исследователями по-разному. Так какие же культуры повлияли на образование этих «изящных бронзовых украшений, расцвеченных неувядающими красками стекловидной смальты»? [43, с. 76].

А. А. Спицын видел их истоки в римских изделиях: «Основалась эта культура на римских провинциальных бронзах..., но сложилась между Вислой и Неманом в замечательные по изяществу и разнообразию формы...» [53, с. 1]. Ученый утверждал, что «никакого отношения к формам поделок со стеклянной инкрустацией эмали не имеют» [там же]. Н. П. Кондаков, наоборот, полагал, что на образование предметов с эмалями повлияли украшения с инкрустацией [37, с. 150]. Данную точку зрения раз-

делял и В. С. Шугаевский [54, с. 253]. Н. Е. Макаренко также полагал, что эмали «возникли под свежим впечатлением инкрустированных камнями вещей» [5, с. 100]. Позднее эта точка зрения была изложена в «Истории СССР» [55, с. 207]. По мнению Е. Л. Гороховского, истоки «эмалевого» стиля находятся в традициях раннеримского и позднелатенского (кельтского) прикладного искусства. Он писал: «“Варварские мастера” соединили технику выемчатой эмали и форм изделий, известных им по импортировавшимся из провинций фибулам второй пол. II в., с формами ряда придунайских фибул, создав прекрасные образцы художественного ремесла – вещи с выемчатой эмалью» [12, с. 144]. По его мнению, украшения с выемчатыми эмалью представляют специфический художественный стиль, распространенный в III–IV вв. на значительной части Восточной Европы.

Немецкий исследователь Я. Озолс, изучая балтские фибулы с эмалью, полагает, что они являются дериватами римских эмалевых изделий. По его мнению, как сами типы украшений, так и технология появляются в I в. с первым потоком провинциально-римского импорта, поскольку захоронения, где встречаются декорированные эмалью фибулы, также содержат импортные римские изделия. В качестве примера он приводит захоронения в Польше, в Восточной Пруссии, Латвии [56, S. 228–229].

Другой точки зрения придерживался И. К. Фролов, который указывал на производность от прибалтийских форм среднеднепровских «треугольных подвесок». В качестве прототипа фигурируют восточнолитовские находки, а дериватов – среднеднепровские [57, с. 272–276]. Данная точка зрения обосновывается формально-типологическими наблюдениями, согласно которым среднеднепровские мастера, объединяя различные элементы литовских форм, создали в V в. упомянутые среднеднепровские. Источником этого был экспорт эмалей из восточнолитовского центра на р. Швентойи, который начал функционировать в конце IV в., а расцвел в V в.

Г. Ф. Корзухина местом возникновения стиля восточноевропейских эмалей также считала Юго-Восточную Прибалтику и Мазурию [3, с. 51–53]. В своей работе она также коснулась общих стилистических особенностей изделий, выявила основные закономерности. «Так, для каждого вида изделий существуют достаточно устойчивые правила в отношении формы и распределения эмалевых гнезд, – пишет Г. Ф. Корзухина. – Треугольные фибулы, например, неизменно декорируются гнездами в виде равнобедренных треугольников, размещенных в два яруса. На верхнем и нижнем концах перекладчатых фибул определенного типа всегда помещаются треугольные гнезда, а средняя их часть никогда не украшается эмалью. Подковообразные фибулы всегда

имеют по краям круглые гнезда, причем для внутренней разбивки круглого поля на более мелкие ячейки существует определенный ассортимент геометрических фигур. Это либо ромб в круге, либо встречные дужки. Для формы средних эмалевых щитков также имеется ряд неизменных вариантов: круг, прямоугольник, ромб с дисками по углам. На рожках лунниц всегда помещаются диски с эмалью. К этому нужно добавить ряд таких декоративных деталей, как гребешки, диски, секировидные и другой формы выступы, фасетировка строго определенных частей тех или иных видов изделий, накладной зигзаг и зигзаг в виде самостоятельной «рабочей» части (перегородка, перемычка), рельефные профилированные кружки, укрепленные с помощью пайки, и к тому же ярко выраженная склонность к «геометризации» и форм вещей, и их орнамента к определенным композиционным построениям (в частности, к крещатым), к использованию прорезей, придающих даже крупным вещам необыкновенную легкость» [там же, с. 51].

А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский в своей работе также коснулись стилистических особенностей изделий. Они высказали предположение о вероятной генетической связи припятских зарубинецких подвесок и более поздних круга эмалей, так как наиболее крупные и богато орнаментированные экземпляры «доэмалевых» украшений, а именно трапециевидных подвесок, были найдены в пределах довольно узкого региона – в зарубинецких могильниках Припятского Полесья [14, с. 119].

Таким образом, многие археологи были убеждены, что сами истоки стиля предметов с выемчатыми эмалью берут свое начало в традициях римского и кельтского искусства. Наименее изученными вопросами на сегодняшний день по-прежнему остаются функциональное, религиозное и социальное предназначение предметов с выемчатыми эмалью, принципы их орнаментации, реконструкция убора с выемчатыми эмалью, а также его преемственность в археологических культурах раннего Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каталог выставки VIII Археологического съезда. – М., 1890. – № 1.
2. Архив ЛОИА. Д. 51. – Л. 21. Ф. 1. – 1899. – № 169.
3. Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалью V – первой половины VI вв. н. э. в Среднем Поднепровье / Г. Ф. Корзухина // САИ. – 1978. – Вып. Е1-43.
4. Спицын А. А. Предметы с выемчатой эмалью / А. А. Спицын // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. – СПб., 1903. – Т. V, вып. 1.
5. Макаренко Н. Е. Борзенські емалі і старі емалі України взагалію / Н. Е. Макаренко // Чернігів та Пів-

нічне Лівобережжя : Огляди, розвідки, матеріали. – Киев, 1928.

6. *Moora H.* Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks / Н. Моора // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakaus kirja (SMYA). – Helsinki, 1934. – Т. 40.

7. *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 N. / Н. Моора. – Tartu, 1938.

8. *Гороховский Е. Л.* Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья / Е. Л. Гороховский // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – Киев : Наукова думка, 1982.

9. *Клейн Л. С.* Из кладов России : Гали Федоровна Корзухина / Л. С. Клейн // Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. – СПб., 2010.

10. *Фролов И. К.* Лунницы с выемчатой эмалью / И. К. Фролов // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). – Рига, 1980.

11. *Фролов И. К.* Фибулы-броши с выемчатой эмалью / И. К. Фролов // КСИА. – Вып. 140. – М., 1974.

12. *Гороховский Е. Л.* О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья / Е. Л. Гороховский // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. – Киев : Наукова думка, 1982.

13. *Терпиловский Р. В.* Памятники киевской культуры (свод археологических источников) / Р. В. Терпиловский, Н. С. Абашина. – Киев : Наукова думка, 1992.

14. *Обломский А. М.* Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) / А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) (раннеславянский мир). – М., 2007. – Вып. 10.

15. Корпус случайных археологических находок / И. А. Бажан, А. Н. Трошин. – М., 2013. – Вып. 5.

16. *Спицын А. А.* Археология в темах начальной русской истории / А. А. Спицын // Сборник статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову. – Пг., 1922.

17. *Спицын А. А.* Об сучасным становішчы архэалягічных дасьледаў аб Беларусі / А. А. Спицын // Прот. докл. В «Працы першага зьезду дасьледчнкаў беларускае архэалягіі і архэаграфіі». – Менск, 1926.

18. *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. Puvod a pocatku naroda slovanskeho / L. Niederle. – Praha, 1904. – Т. 2.

19. *Moora X. A.* О древней территории расселения балтийских племен / Х. А. Моора // СА. – 1958. – № 2.

20. *Gimbutas M.* The Balts / M. Gimbutas. – London, 1963.

21. *Гимбутас М.* Балты. Люди янтарного моря / М. Гимбутас. – М. : Центрполиграф, 2004.

22. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья / В. В. Седов // МИА СССР. – М., 1970. – № 163.

23. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов // Археология СССР. – М. : Наука, 1982.

24. *Фролов И. К.* Вещи с эмалью и их распространение / И. К. Фролов // Проблемы этнической истории балтов : тез. докл. – Рига, 1977.

25. *Щукин М. Б.* На рубеже эр : Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе / М. Б. Щукин. – СПб. : Фарн, 1994.

26. *Бажан И. А.* Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре / И. А. Бажан, О. А. Гей // ПАВ. – 1993. – № 3.

27. *Любичев М. В.* Этнокультурная история Днепро-Донецкой лесостепи в 1-5 вв. н.э. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / М. В. Любичев. – Киев, 2013.

28. *Аспелин И. Р.* Следы влияния готов в северной полосе России / И. Р. Аспелин // Труды VIII Археологического съезда. – Т. III. – СПб., 1897.

29. *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreussens / W. Gaerte. – Königsberg, 1929.

30. *Bitner-Wroblewska A.* Elementy baltyjskie w kulturze wielbarskiej / A. Bitner-Wroblewska // Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim. – Lublin : Uniwersytet M. Curie-Sklodowskiej, 1989.

31. *Безуглов С. И.* Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона / С. И. Безуглов, И. В. Гудименко // РА. – 1993. – № 1.

32. *Hackmann A.* Die Emailfibel von Warila im Kirchspiel Pälkäne / A. Hackmann // SMYA. – 1912. – Т. 26.

33. *Moora H.* Die Vorzeit Estlands / Н. Моора. – Tartu, 1932.

34. *Tallgren A. M.* Enamelled ornaments in the valley of Desna / А. М. Tallgren // ESA. – Helsinki, 1937. – XI.

35. *Городцов В. А.* Болотное Огубское городище / В. А. Городцов // Труды ГИМ, разряд археологический. – 1926. – Вып. 1.

36. *Готье Ю.* Железный век в Восточной Европе / Ю. Готье. – М. ; Л. : Госиздат, 1930.

37. *Толстой И. И.* Древности времен переселения народов / И. И. Толстой, Н. П. Кондаков // Русские древности в памятниках искусства. – СПб., 1890. – Вып. 3.

38. *Даниленко В. Н.* Славянские памятники I тыс. н.э. в бассейне Днепра / В. Н. Даниленко // КСИА АН УССР. – 1995. – Вып. 4.

39. Пізнязарубинецьки пам'ятки кийського типу / В. Н. Даниленко // Археологія. – 1976. – № 19.

40. *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н.э. / П. Н. Третьяков // МИА. – 1941. – № 6.

41. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П. Н. Третьяков. – М. ; Л. : Наука, 1966.

42. *Третьяков П. Н.* Зарубинецкая культура и поднепровские славяне / П. Н. Третьяков // СА. – 1968. – № 4.

43. *Рыбаков Б. А.* Ранняя культура восточных славян / Б. А. Рыбаков // ИЖ. – 1943. – № 11–12.

44. *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне / Б. А. Рыбаков // СЭ. – 1947. – Т. VI–VII.

45. Максимов Е. В. Киевская культура / Е. В. Максимов, Р. В. Терпиловский // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. (Археология СССР). – М., 1993.

46. Сизов В. И. Дьяково городище близ Москвы / В. И. Сизов // Труды IX Археологического съезда. – М., 1897. – Т. II.

47. Нидерле Л. Быт и культура древних славян / Л. Нидерле. – Прага, 1924.

48. Зиньковская И. В. К вопросу о варварских эмалях на памятниках юга Восточной Европы / И. В. Зиньковская // Верхнедонской археологический сборник, посвящ. 70-летию А. З. Винникова. – Липецк, 2010. – Вып. 5.

49. Фурасьев А. Г. Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмалями / А. Г. Фурасьев // Клады. Состав, хронология, интерпретация. – СПб., 2002.

50. Гороховский Е. Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Л. Гороховский. – Киев, 1988.

51. Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. / А. М. Обломский. – М. ; Сумы, 1991.

52. Kazanski M. Les arctoi gentes et «l'emire» d'Ermanaric : Commentaire archéologique d'une source écrite / M. Kazanski // Germania. – 1992. – 70. Bd.1.

53. Спицын А. А. Археология в темах начальной русской истории / А. А. Спицын // Сборник статей по

русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову. – Пг., 1927.

54. Шугаевский В. А. Татарская горка близ Чернигова / В. А. Шугаевский // Труды московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. – М., 1911.

55. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства / [под ред. М. И. Артамонова]. – Ч. III–IV. – Л., 1939.

56. Ozols J. Email. Baltische Emailfibeln / J. Ozols // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. – Berlin, 1989. – Т. 7.

58. Фролов И. К. Подвеска из Дмитровского могильника / И. К. Фролов // МИА. – 1969. – № 169.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГИМ – Государственный исторический музей
ИЖ – Исторический журнал
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии
ПАВ – Петербургский археологический вестник
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография

Воронежский государственный университет

Колесникова А. Ю., аспирант кафедры археологии и истории древнего мира

E-mail: anna.taiga1@gmail.com

Тел.: 8-903-850-61-05

Зиньковская И. В., доктор исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: zinkovi@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 224-75-14

Voronezh State University

Kolesnikova A. Yu., Post-graduate Student of the Archeology and Ancient History Department

E-mail: anna.taiga1@gmail.com

Tel.: 8-903-850-61-05

Zinkovskaya I. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the History of Middle Ages and Foreign Slavic Nations Department

E-mail: zinkovi@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 224-75-14